

УДК 801.73

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК КОНКРЕТИЗАЦИЯ ПОНИМАНИЯ

Н.Ф. Крюкова

Тверской государственный университет. Тверь

В статье исследуется природа интерпретации. Определяется смысловое пространство художественного текста, организующим центром которого выступает субъект, сознание которого направлено на восприятие и интерпретацию определённым образом структурированного текста. Сама же структурированность суть результат уникального творческого процесса автора – столь же неповторимого в своей индивидуальности субъекта, как и читатель.

Ключевые слова: *Интерпретация, интерпретация vs понимание, границы интерпретации, множественность интерпретаций, интерпретационные техники, метафоризация.*

Интерпретация как деятельность осмысления – наиважнейшее свойство сознания. Без интерпретации и понимания нет разума, нет сознания. С учётом этого в любом понятии необходимо различать логическую форму «охвата» предметной области и разумный момент осмысления «охваченного». Соответственно, «охват» и как процесс, и как результат этого процесса вроде некой субстанции есть само понимание, а осмысление «охваченного» – его интерпретация, т.е. объяснение понятого. Эта точка зрения коррелирует с мнениями А.А. Потебни, М. Хайдеггера, П. Рикёра, И.В. Арнольд и др. Однако, определения понимания и интерпретации варьируются в рамках разных наук. В книге «Текст и его понимание» А.А. Залевская не без основания говорит о труднообозримом количестве публикаций на эту тему. Автор анализирует логико-лингвистический, системно-семиотический, герменевтический, когнитивный, психоллингвистический, психопоэтический подходы и объясняет важность всех упомянутых исследований тем, что они могут лечь в основу комплексной интегративной теории текста и его понимания, «поскольку каждый подход “высвечивает” специфические характеристики рассматриваемого объекта, которые могут не проявиться в условиях иного “угла зрения” (с позиций принятой за основу системы координат)» [2, с. 70].

Комментируя обращение к интерпретации как к объекту изучения, уместно вспомнить слова В.З. Демьянкова о том, что именно этот объект позволяет *филологии, литературоведению, философии языка и лингвистике* обрести «общий язык, общие интересы и общий материал для исследования (цит. по: [6, с. 77]). Интерпретативная компонента со-

временной научной парадигмы очевидна. Как правило, в ней видят результат кардинального переосмысления основ гуманитарного знания, которое имело место в XX веке, когда категории «коммуникация» и «диалог» приобретают статус базовых философских категорий, начинает активно разрабатываться с позиций природы и функций вторая составляющая коммуникативной диады «автор – читатель». Актуализация чувств и мыслей, воплощающих авторское начало и объективируемых в тексте, признаётся возможной лишь при условии и в процессе их восприятия активной интерпретирующей инстанцией. Осмысление «возобновляемой коммуникации», как называет интерпретацию Ю. Хабермас, исходит из того, что в самом акте творения произведение искусства рассчитано не на пассивное восприятие, а на действенное «соучастие». В чтении и интерпретации обнаруживают конститутивные элементы текста, а в читателе – языковую личность, осваивающую текст в зависимости от собственного интеллектуального, эмоционального, эстетического и жизненного опыта.

Проблему интерпретации во многом определяет субъект – носитель сознания, познавательных способностей и творческого начала, а интерпретация, в свою очередь, является эффективным способом проникновения в сознание субъекта, что представляется закономерным. Как бессмысленно говорить о беспредметном мышлении, считает Гуссерль, так бессмысленно говорить о сознании, не подразумевая при этом его основное свойство – интенциональность (направленность, целенность на что-либо). Интерпретация как осмысление понятого непременно предполагает определённую рефлексивную деятельность по обращению субъекта понимания на самого себя.

Одна из отличительных черт гуссерлевской трактовки сознания заключается в том, что оно рассматривается им как *поток* жизни сознания. В основе этого потока, его руслом является его самотождественное Я, непрерывный жизненный опыт личности. Сопоставление с предшествующим опытом осуществляется по множеству параметров и формируется путём ориентировочно-исследовательской деятельности, которая «отщепляется» от практической и постепенно начинает опираться на применение известных, вырабатываемых индивидом в процессе своей деятельности «эталонов» [3, с. 150].

Сознание, являясь неременным условием познания, отнюдь не является тем, что определяет истину. Истина зависит не от своеобразия сознания (хотя уникальность интерпретации гарантируется именно уникальностью сознания, которое интерпретирует текст), а от того, насколько адекватно сознание проникает в действительность.

Как подчёркивает К.Р. Мегрелидзе [4], познание может стоять на высоте понимания действительности только в том случае, если понятия учитывают и выражают определённые, объективно существующие

свойства и отношения. Так, не стоит увлекаться рассуждениями о «парных категориях» («количество и качество», «форма и содержание» и т.д.) так, как будто эти понятия имеют самобытный смысл. Однако опредмеченные в тексте смыслы активизируются в процессе их восприятия читателем. Художественный текст как произведение художественного творчества, объединяющее информацию объективного мира и авторский замысел, обладает смысловой открытостью [5]. Интерпретативная парадигма знания справедливо настаивает на необходимости изучения механизмов образования множественных текстовых смыслов. Вместе с тем выявление причин, которые лежат в основе этих механизмов, включая особенности мировосприятия интерпретатора и его зависимость от историко-культурного контекста, порождающие множественность и даже конфликт интерпретаций текста, не должно исключать поиска акцентированных автором текстовых средств как своеобразных повествовательных вех. Учёт заданности структурных параметров текста отдаёт должное авторскому началу, но и не отрицает того, что текст получает своё окончательное смысловое наполнение лишь в результате работы воспринимающей, понимающей и интерпретирующей его мысли. Оптимизации этой работы способствуют интерпретационные техники понимания как совокупность специальных приёмов рефлексивного характера, касающиеся проблем восстановления смысла по значению, самоопределения человека в мире усмотренных смыслов, самоопределения субъекта среди граней понимаемого, способов оценки онтологических картин (компонентов рефлексивной реальности), задействованных в акте понимания. Отметим, что особый интерес в этом отношении представляют онтологические картины, не связанные непосредственно с осваиваемым гносеологическим образом, как результат использования «рефлексивного мостика», возникающего при появлении в тексте особых средств, пробуждающих рефлексию. Например, одним из таких самых эффективных средств является метафора, интерпретативный потенциал которой актуализируется и даёт интересные результаты в пределах тончайших границ соприкосновения языка, мышления, культурно-исторической памяти индивидуального образного видения и массового сознания [1]. При определении роли и места метафоризации и метафоричности при действии человека с текстом эти понятия разводятся соответственно как 1) процесс пробуждения рефлексии текстовыми средствами непрямого номинации и 2) результат этого процесса, т.е. метафоризованный текст, запрограммированный на приближение к социальной адекватности осваиваемого смысла.

Корреляции между разными способами организованности рефлексии при действии человека с текстом можно представить как варианты (с подвариантами) фиксации рефлексии по трём поясам мыследеятельности на основе базовой схемы системомыследеятельности

(СМД) Г.П. Щедровицкого: в поясе мыследействования (мД), в поясе мысли-коммуникации (М-К), в поясе чистого мышления (М).

Рефлексия, пробуждаемая метафоризованными текстами, может по-разному организовываться в пространстве системомыследеятельности в пределах трёх поясов базовой схемы СМД, отражающих три единственно существующих вида опыта: опыт действия в реальном мире в виде предметных представлений; опыт в виде глобальных экзистенциальных смыслов и знаний как схем, диаграмм, графиков, парадигм и т.п.; опыт действия с текстами вообще в виде знаний о тексте. Разные организованности рефлексии объективируются в разные смыслы, т.е. сложные конфигурации связей и отношений между элементами ситуации и коммуникации, которые создаются или восстанавливаются понимающим субъектом. С учётом всех трёх поясов базовой схемы мыследеятельности можно выделить и описать различные способы фиксации (предметной организованности) рефлексии по следующим критериям установления «места» фиксации: 1) в поясе *мыследействия*, что даёт реактивацию предметных представлений, «образность»; 2) в поясе *мысли-коммуникации*, что обеспечивает усмотрение текстовых характеристик; 3) в поясе *чистого мышления*, что ведёт к прямым усмотрениям метасмыслов.

Фиксация рефлексии одновременно во всех трёх поясах указывает на самую богатую мыследеятельность, осуществляемую в процессе понимания содержательности высокохудожественных текстов как, например, в процессе понимания (освоения) ситуации, представленной в следующих строках Н. Тихонова: «Но мёртвые, прежде чем упасть, делают шаг вперёд – ...». Художественная идея этого текста сугубо метафорическая: создаётся рефлексивная реальность, в которой сумма шагов убитых (по одному шагу на убитого) и позволила взять высоту, считавшуюся неприступной. Многочисленные рефлексивные переброски связывают осваиваемую ситуацию с прошлым опытом реципиента, с тем, что он знает о смерти; о том, как умирают люди, как падают мёртвые; как падают убитые в бою – на землю, в грязь и т.д. (пояс мД). Реципиент может ничего реально и не знать о смерти. Тогда чтение «Перекопа» для него не только понимание стихотворения, но и продолжение накопления рефлексивной реальности для освоения текста. В его прошлый опыт входит сразу и то, что добавилось только что, а именно: что есть атака и смерть в бою. Точно так же, даже если реципиент никогда до чтения «Перекопа» не видел и не слышал русского дольника, которым написано стихотворение, этот вид стихосложения, уже при чтении, часть рефлексивной реальности реципиента и непременно захватывается рефлексией, фиксирующейся в поясе М-К. Эта же фиксация соотносится с пониманием того, что осваивается ситуация, представленная в метафорических поэтических строках. Способность реципиента ото-

ждествлять «мёртвых и живых» основывается на знании, что иногда люди идут на смерть ради победы, погибают и побеждают. Если бы не эта общность победы, доставшаяся как живым, так и мёртвым, то их поэтическое отождествление воспринималось бы как бессмысленное. Кроме этого здесь имеет место совмещение разных фигур (и не только совмещение фигур, но и полный комплекс всех средств опредмечивания, из которых метафора – только одно средство). Благодаря совмещению «метафора + гипербола» – особенно чётко виден передаваемый автором в тексте «революционный романтизм». Также сама коммуникативная действительность отражает и перевыражает тот мир противоположностей, на котором построен текст, в оппозиции «сонантность / глухость», наблюдаемой при восприятии первых и последних слов приведённой фразы. Рефлексия же, фиксирующаяся в поясе М, приводит к построению некоторой новой парадигмы, усматриваемой реципиентом непосредственно, но поддающейся вербализации в такой, например, интерпретации: средств победить нет, но не победить нельзя, поэтому герои побеждают, продолжая двигаться последними шагами уже после смерти; эти последние шаги и оказываются победой. Если интерпретировать это же место посредством категоризации смыслов, получим: отсутствие средств для победы / абсолютный, превышающий все человеческие возможности, героизм людей, погибших ради этой победы; отсутствие средств для победы / достижение победы благодаря абсолютной самоотверженности.

Варианты с комбинациями поясов можно дополнить подвариантами с той точки зрения, какой пояс остаётся в зоне «невидимого» или, напротив, выходит на передний план. Критерий «мера и способ пробуждения рефлексии», положенный в основу типологии процессов понимания, а также интерпретации (как высказанной рефлексии) действия понимающего субъекта приравнивается к критерию «мера и способ метафоризации».

Ставя вопрос о рассмотрении способов организации текстовой формы как средств пробуждения рефлексии, следует в качестве самостоятельной проблемы выделить проблему роли фигур речи в понимании текста. Особое внимание при этом обращается на метафору, поскольку будучи наиболее типичной и самой распространённой фигурой речи, она легче всех других фигур пробуждает рефлексия. Это объясняется наличием определённого родства между метафорой и рефлексией. Метафора пробуждает рефлексия, потому что сама фактически является одной из её опредмеченных организованностей. С этой точки зрения метафора выступает фундаментальной фигурой речи, и все остальные фигуры речи могут рассматриваться как различные версии единого метафорического прототипа и включаться в разные группы средств пробуждения рефлексии. В этом отношении текстовые средст-

ва, противоположные средствам прямой номинации и связанные с формированием метафорического значения отдельного сочетания в тексте и организацией множества этих значений в единую смысловую метафорическую структуру, а именно: тропеические, фонетические, лексические, синтаксические формальные средства пробуждения рефлексии, могут называться средствами метафоризации. Сама метафоризация в этом случае выступает в качестве метасредства понимания текста, которое может конкретизироваться в виде интерпретации, представляющей собой анализ результатов «наведения рефлексивного мостика» как одной из техник понимания.

Владение техниками понимания – это «мастерство ума», и этому мастерству можно учиться и надо учить. Научение рефлексии, включающее научение техникам понимания, позволяет человеку *понимать самому*, а не повторять чье-то готовое понимание, что является главной педагогической задачей XXI столетия. Кроме того, интерпретационные методы обучения, применимые к разным учебным предметам в разных типах учебных заведений, позволяют решить ещё одну новую (очень хорошо забытую старую) поставленную перед школой задачу – научить обучающихся понимать и учитывать точки зрения других людей, видеть все стороны противоречия, рассматривать альтернативные решения, действовать в условиях конфликта мнений [7]. Цель современного образования – воспитывать не просто «носителей знаний», а людей, компетентных в реальной жизни – настоятельно диктует необходимость внедрения педагогических принципов интерпретации, которые могут стать важным стратегическим резервом отечественной педагогики.

Список литературы

1. Барышников П.Н. Миф и метафора: Лингвофилософский подход [Текст] / П.Н. Барышников. – СПб. : Алетейя, 2010. – 216 с. – (Серия «Тела мысли»)
2. Залевская А.А. Текст и его понимание : монография [Текст] / А.А. Залевская. – Тверь : Твер. гос. ун-, 2001. – 177 с.
3. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии [Текст] / А.Р. Лурия. – СПб. : Питер, 2007. – 320 с.
4. Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления [Текст] / К.Р. Мегрелидзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1973. – 440 с.
5. Тураева З.Я. Лингвистика текста: текст, структура и семантика: учеб. пособие [Текст] / З.Я. Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 127 с.
6. Щирова И.А., Тураева З.Я. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы: учеб. пособие [Текст] / И.А. Щирова, З.Я. Тураева. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 156 с.

7. Цукерман Г.А. Эффективность отечественного образования [Текст] / Г.А. Цукерман // Человек. – 2008. – № 3. – С. 48–58.

**INTERPRETATION
AS CONCRETIZED UNDERSTANDING**

N.F. Kryukova,

Tver State University, Tver

The paper considers the notion of interpretation and defines the message-bearing organization of fictional text admitting the dominant role of a recipient whose mind is directed to perception and interpretation of a particularly structured text. The structure itself results from the unique creative activity of the author who is as unique as the reading individual.

Keywords: *Interpretation, interpretation vs. understanding, limits of interpretation, multiplicity of interpretations, interpretative techniques, metaphorization.*

Об авторе:

Крюкова Наталья Федоровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Тверского государственного университета, e-mail:nakrukova@mail.ru